

Сонгми: социология и статистика массового убийства

Эксперимент Милграма быстро стал знаменит: он описывался в разных учебных и популярных изданиях, его результаты преподавались тысячам студентов, «эхо от эха» последнего вошло в [поп-психологию](#). И это принесло скорее вред, чем пользу: им стали объяснять все жестокости, которые на слуху – от [уничтожения евреев нацистами](#) до пыток иракцев в тюрьме Абу Грейб, хотя то и другое вполне объясняется идеологией, которую привили исполнителям. В обоих случаях им было незачем подчиняться, в то время как опыты Милграма ставились именно для того, чтобы посмотреть, как далеко в подчинении авторитету люди зайдут *против своих убеждений, отношения к людям и пр.* [помимо, подчинения, аналогичный эффект оказывают [денежные стимулы](#)].

Иными словами, в опытах Милграма люди [мучились, испытывали нехилый стресс](#), от того, что власть ситуации толкала их к действиям, которые они совершенно искренне почитали для себя невозможными. Плюс от того, что течение событий пересиливало их собственные принципы, и они не знали, как разорвать эту связь (хотя некоторые [нашли способ](#)).

Вместе с тем большинстве случаев массовых убийств мы видим нечто прямо противоположное настроению испытуемых у Милграма. Убивают гражданских, детей, женщин и стариков [готовно, с воодушевлением, на эмоциональном подъёме и пр.](#) – или, при другой (лучшей) организации дела, [аккуратно и точно исполняют команды на уничтожение в рамках чёткого плана, продуманного до тонких деталей, подробностей. Но в обоих случаях потом не испытывают никаких мук, кроме разве что страха наказания](#) (и тогда врут и уворачиваются).

Так или иначе, людям для самопознания куда важнее понимать природу влияний, превращающих вроде нормальных, обычных людей, в зверски-инициативных убийц безоружных. Если с убийством «коммунистов и евреев» гитлеровцами и их восточноевропейскими пособниками всё ясно – [они руководствовались концепцией «иудобольшевизма», прямо требующей убивать и наметившей именно это круг жертв, не иной](#), то американский пример куда интереснее. С одной стороны, в [корейской](#) и вьетнамской войне преступления американских военных (и их союзников из Австралии-Новой Зеландии-Южной Кореи *etc.*) против гражданского населения сравнимы с гитлеровскими, а учитывая возросшую техническую мощь – тоннаж бомб, литраж напалма, [экоцид](#) и т.д. – существенно превзошли их.

С другой, хотя общественное сознание США до середины 1970-х гг. было пропитано расизмом настолько, «что для других вещей места в 48 штатах уже не оставалось», направлен он был преимущественно против негров и евреев. Актуальность преследований «азиатов» ушла с победой над Японией/[изменением рыночной конъюнктуры](#) и пр. Этот расизм требовал унижать и дискриминировать, но не уничтожать и т.д. И хотя, как пишут в «[Эпохе пропаганды](#)» Аронсон & Пратканис, «наши военные в ходе войн в Азии регулярно именовали местных жителей «слизняками», использовали и другие приёмы дегуманизации, главные факторы, приводившие к массовому убийству гражданских, в отличие от ВМВ были косвенными, и действовали не прямо, а исподволь.

Они исследованы на примере массового убийства вьетнамцев в общинах Ми Лай и Ми Кхе (известное как «[убийство в Сонгми](#)») южновьетнамской провинции Куанг Нгай в

марте 1968 года.

Первая составляющая (необходимое условие) — это массовый страх оккупантов, который на следующем шаге вызывал жажду мести, следующую из непонимания причин столь массового и эффективного сопротивления. Поставить под сомнение приносимые аборигенам ценности «свободы и демократии» военнослужащие США не решались, отсюда единственным смыслом войны оказывалась месть за смерть боевых друзей. А всякая удавшаяся расправа одновременно объясняла усилившееся сопротивление, круг замыкался.

«Вьетнамский синдром» — это надолго. Это — для тех, кто там был. Во Вьетнаме. Но есть и еще другой комплекс — комплекс выжившего, вышедшего из огненного ада. Из Кхесани, например. Беседуя с ветеранами вьетнамской войны в США, я понимал, что каждый пытался найти ответ на вопрос: «Почему убит тот другой, а не он?! Каждого подсознательно мучила мысль, что его жизнь оплачена смертью других солдат. Чтобы оправдать свое собственное выживание, избежать или превзойти разъедающее чувство вины, нужно отомстить за эту смерть. В военное время таким контрдействием мог стать не только ответный удар, но и расправа над мирным населением.

«Так было во время Второй мировой войны, и особенно так было во Вьетнаме, — говорил мне американский журналист Редмонд, и я слушал его, пытаюсь понять логику его мысли. А он продолжал: — Существуют даже ритуалы отмщения, это когда солдат получает возможность продемонстрировать свою силу и инициативу. Но поскольку на войне в джунглях подобных «ритуалов» не существовало, не было рукопашных и в большинстве случаев противника вообще не было видно, люди оставались наедине со своим горем, с чувством вины и утраты. Обратной стороной этого чувства становилась ярость.

Так, смерть Билла Вебера стала «поворотным этапом» в жизни роты «Чарли». Ты знаешь, что такое рота «С», рота «Чарли»? — спросил Редмонд и продолжал: — Вдруг мы поняли, что здесь могут убить каждого из нас, и решили отомстить за всех, пока мы не ушли».

(М.М.Ильинский. [Индокитай: пепел четырёх войн \(1939-1979 гг.\)](#). М.: изд-во «Вече», 2000.)

По мере развития этой тенденции вьетнамцы перестают восприниматься как люди, а дегуманизация облегчает месть не только военным, но и гражданским.

«Несколько лет назад, во время разгара войны во Вьетнаме, один из нас (Эллиот Аронсон) нанял молодого человека, чтобы покрасить свой дом. Эллиот вспоминает:

«Маляр оказался добрым милым человеком, он закончил среднюю школу, пошел служить в армию и воевал во Вьетнаме. Покинув армию, он занялся малярным мастерством и был хорошим и надежным ремесленником и честным бизнесменом. Мне нравилось работать с ним. Однажды, когда мы пили кофе в перерыве между работой, заговорили о войне и об оппозиции, особенно в местном университете. Вскоре стало очевидно, что наши мнения на эту тему резко расходились. Ему казалось, что американская интервенция была разумной и справедливой и могла «гарантировать установление демократии во всем мире». Я считал вьетнамскую войну очень грязной, я

говорил о том, что мы убивали, калечили и причинили страдания тысячам невинных людей; когда мы сбрасывали напалмовые бомбы, то гибли старики, женщины, дети — люди далекие от войны и политики. Он долго смотрел на меня; затем мило улыбнулся и сказал: «Черт, доктор, это не люди; это вьетнамцы! Они — выродки».

Он произнес эти слова сухо и беззлобно. Я удивился и похолодел, услышав такой ответ. Интересно, как могло получиться, что этот по-видимому добродушный, здравомыслящий и мягкий парень мог сформировать такую установку. Как он мог исключить из человечества целую нацию?

В следующие несколько дней, когда мы продолжили наш диалог, я познакомился с ним поближе. Оказалось, что во время войны он участвовал в боевых действиях, ему приходилось убивать мирных вьетнамских граждан. Постепенно выяснилось, что сначала его мучило чувство вины — и мне пришло в голову, что такая установка по отношению к вьетнамцам помогала заглушить это чувство. Так, достаточно ему было убедить себя, что вьетнамцы — не совсем люди, и он уже не ощущал такого ужаса при воспоминании о страданиях, которые он им причинил: это, пожалуй, избавляло его от диссонанса, вызванного несоответствием его поступков и представлением о себе как о порядочном человеке.»

... Предположим на мгновение, что все люди, которых он убил и ранил во Вьетнаме, были хорошо вооруженными солдатами вражеской армии.... Как вы думаете, испытывал бы этот человек, служивший во Вьетнаме, столь же сильный диссонанс? Мы думаем, вряд ли. Когда солдат сражается с солдатом вражеской армии, возникает ситуация «я или ты»; если маляр не убил солдата вражеской армии, то солдат вражеской армии мог бы убить его. Таким образом, причинение боли или убийство никогда не воспринимается человеком легко; и тяжесть вины не будет так велика, если жертва — не безоружный мирный житель, ребенок, женщина или пожилой человек.

...во время войны солдаты испытывают потребность унижать свои жертвы из мирного населения (так как эти люди не могут свести с ними счеты), в отличие от жертв среди военных. Более того, через несколько лет после разговора Эллиота с маляром похожие события можно было наблюдать во время суда над лейтенантом Уильямом Келли за его роль в убийстве мирных обитателей деревни Мей Лай во Вьетнаме. Во время своего продолжительного и подробного обследования психиатр, занимавшийся этим случаем, пришел к выводу, что лейтенант не считал вьетнамцев людьми...

...Много лет назад, в самый разгар вьетнамской войны мне как-то довелось смотреть по телевизору программу новостей Уолтера Кронкайта. Ведущий, в частности, как раз сообщал об инциденте, в результате которого американские самолеты уничтожили напалмом южновьетнамскую деревню, где, по предположениям, имелась укрепленная база вьетконговцев. И тут мой старший сын - в то время ему было без малого десять лет отроду - наивно спросил меня: «Эй, пап, а что такое напалм?». «Ну, - небрежно ответил я, - насколько я понимаю, это химическое вещество, которое сжигает людей; оно также намертво прилипает к коже, так что его невозможно отодрать». И с этими словами я продолжил просмотр новостей.

Спустя несколько минут я случайно бросил взгляд на сына и увидел, как по его лицу текут слезы. Пораженный тем, какую боль и сострадание вызвали мои слова в

десятилетнем мальчике, я почувствовал, как во мне самом растет ужас, а вместе с ним - изумление: да что же это со мной-то произошло? Неужели я настолько ожесточился, что позволил себе говорить с сыном так сухо и прозаично, как будто заданный вопрос касался материала, из которого сделан бейсбольный мяч, или каких-то химических процессов, происходящих в листе растения? Неужели я настолько приучил себя к человеческой жестокости, что могу вот так спокойно рассуждать о ней?».

(Эллиот Аронсон, Том Уилсон, Робин Эйкерт. **Большая психологическая энциклопедия. Психологические законы человеческого поведения.** — Прайм-Еврознак, 2008. — 560 с.).

С другой стороны, любые потери друзей, в том числе и от дружественного огня, обычных на войне нестыковок и раздолбайства приписываются врагу, который оказывается тем более «нелюдским», чем неожиданной эта гибель «своих».

«Вы знаете историю лейтенанта Колли? В ней нет загадки.

Кадровый офицер, он больше не требовал соблюдения дисциплины, а, как и остальные, дал волю своим инстинктам. После нескольких засад, в которых люди получали ранения, его роту постигло несчастье: она попала на минное поле, где были выведены из строя двадцать процентов личного состава (четыре человека убиты, 28 — тяжело ранены). По другим сведениям, убиты были шесть человек, а ранены двенадцать.

Но это детали для капеллана. Главное было в другом. Это событие обострило у оставшихся в живых комплекс вины. Один из них потом вспоминал так: «На твоих глазах умирали люди, а ты не был среди них». «Чувство вины заглушала тревожная мысль, что рота, как воинское подразделение, как единое целое, заменившее солдатам целый мир, перестала существовать», — говорил журналист.

— Только экстремальные идеи, кровная месть могли заставить солдат роты примириться с самими собой. Тотальная месть!.. Вы что-нибудь в этом понимаете? Вот как описывает это состояние всеобщего психоза один из участников событий в общине Шонми, в деревне Милай: «Мы стали говорить вслух о том, о чем каждый из нас думал про себя: о том, чтобы стереть эту страну с лица земли. Популярной стала так называемая индейская психология, смысл которой сводился к тому, что «хороший вьетнамец — мертвый вьетнамец». Расплывчатое определение понятия «враг» стало распространяться на любого человека, который не имел отношения к американской армии и ходил во вьетнамской одежде.

По утверждению одного из ветеранов Ми Лай, были серьезные основания считать, что мины были установлены не вьетнамцами, а корейскими союзниками, лагерь которых находился в этом месте незадолго до кровавых событий. В таком случае ответственность за смерти американских солдат ложилась на Верховное командование вооруженных сил США, которое наверняка было уведомлено о размещении южнокорейских сил. Тем не менее люди отвергали эту мысль и предпочитали винить во всем «Вьетконг», еще шире — всех вьетнамцев. Это помогало найти оправдание «идее мести».

Последней каплей, переполнившей терпение роты «Чарли», стала смерть сержанта Кокси, которого разорвало на куски осколком артиллерийского снаряда. Эти скрытые хитроумные устройства, приводимые в действие прямым контактом, часовым

механизмом или при помощи дистанционного управления, осуществляемого сидящим в засаде человеком, усугубили ощущения беспомощного ужаса, которое испытывали американские солдаты. В самом названии «ловушка для болвана», которое придумали для этих устройств солдаты из роты «Чарли», отражен способ их действия, превращающий человека в беспомощную жертву. В роте Кокса, ценил и как одного и наиболее опытных бойцов. Его смерть обострила у всех чувство страха, привела в бесконтрольную, несдерживаемую ярость.

На следующий день в память о Коксе и других погибших бойцах в роте отслужили панихиду. Сначала говорил капеллан, а затем целую речь произнес командир роты капитан Медина. Существовало множество вариантов той речи Медины, но, по общему мнению, она довела почти до слез солдат подразделения и словно заставила их поверить в «миссию выживших» и «миссию мести». Звучала эта речь приблизительно так: «В этом аду мы потеряли наших парней. Теперь мы должны за них отомстить, и хороши любые средства ». Или, по воспоминаниям другого участника резни в Милае, Медина сказал: «У нас есть шанс отомстить врагу ... Запомните, в этой стране нет невинного гражданского населения ». [Я думаю, капеллан накрутил людей на тему «миссии мести» побольше капитана Медины. Показательно также, что капелланы ни разу не пытались ни остановить военнослужащих во время резни, ни укорить за неё потом, а без каких-либо возражений допускали к причастию, грехи отпускали и пр. **В.К.**]

Из этого слушатели могли заключить, что они «должны стереть эту страну с лица земли». Другие ветераны Ми Лай вспоминали фразы: «убивайте всех живых», «уничтожайте все живое». Эти слова звучали и как призыв, и как приказ. Впрочем, скорее как приказ, отвечавший настроениям солдат-исполнителей.

После этой речи сложилось впечатление, что «Медина хотел уничтожить как можно больше вьетнамцев. Он считал, что «это каждому дает право и возможность показать, на что способен лично он». Независимо от того, что Медина сказал на самом деле, его речь была быстро окружен ореолом славы. Говорили о погибших, а на остальных словно накладывали особую «миссию выживших». Эта речь стала как бы живой связью между гибелью бойцов роты, которая потрясла оставшихся в живых и всех, кто должен был за них отомстить собственными решительными действиями.

Допускается, что Медина не отдавал прямого приказа убивать женщин и детей. Его призыв сочетал в себе абстрактные приказы с порывом служаки, с игрой на эмоциональном настроении солдат роты. В той экстремальной обстановке это неизбежно провоцировало массовые убийства.

Но это не оправдывало убийц. Какие бы психологические объяснения теперь не пытались найти, преступление осталось преступлением, актом чудовищным, варварским.

Другой участник побоища в Милай вспоминал, что когда Медина говорил о том, что они сожгут дома вьетнамцев, уничтожат скот и запасы продовольствия, отравят воду в колодцах, капрал со смаком прошептал ему на ухо: «Вот увидишь, это будет настоящая резня. Редкое зрелище».

(М.М.Ильинский, op.cit.)

Если необходимым условием массового убийства вьетнамцев была «психология», то достаточным стала статистика. ««Социологический опрос, проведённый 2 января [1968

г. **В.К.**], показал: менее половины населения (45%) полагают, что вовлечение в военный конфликт во Вьетнаме было ошибкой. В тот же самый день ... две с половиной тысячи солдат Вьетконга атаковали американскую базу огневой поддержки в 50 милях к северу от Сайгона, находившуюся среди каучуковых плантаций, 26 человек было убито, 111 – ранено. Им было суждено стать первыми американцами, погибшими во Вьетнаме в 1968 году. По сообщению правительства США, тогда было убито 344 вьетконговца. В США было принято давать сведения о количестве трупов противника – пропагандистское новшество времён вьетнамской войны, получившее название «подсчёт тел». Можно подумать, что, если бы счёт был достаточно большим, Америка объявила себя победительницей».

(Марк Курлански. 1968. Год, который потряс мир. С.29).

Понятно, как это пристрастие к подсчёту и демонстрации трупов врага связано с демократией. Как [верно замечено](#) юзером **vitus_vagner**, нужно отчитываться за потраченные на армию средства перед демократически избранным конгрессом, демонстрировать эффективность в «защите свободы» и «отбрасывании коммунизма» и пр. По той же причине «тоталитарный режим» А-бомбу в дело и не думал пускать, демократические США - аж два раза, и их сенаторы-конгрессмены требовали пустить в ход при каждом обострении ситуации, даже столь незначительном, как лаосский кризис 1959 года. Оно и понятно – для отчётности перед выборными политиками нужна Хиросима, а требовать следующей Хиросимы – лёгкий и удобный способ понравиться определённой категории избирателей («[100% патриотов](#)»), тем более что она и разрастается от повторения таких требований.

Подсчёты и демонстрации трупов – убедительный аргумент эффективности ведущейся борьбы с врагом, что внешним (коммунистами), что внутренним (преступность). Особо дикарствуют здесь опять-таки образец буржуазной демократии - США, где жертвы преступника допускаются наблюдать его ликвидацию на электрическом стуле / в газовой камере; предполагается, что наблюдение смертных мук «врага» утешает.

Так или иначе, в связи с еженедельной публикацией в СМИ числа уничтоженных «вьетконговцев», в армии же от командиров частей сверху вниз требовали статистику об «убитых со стороны врага». И поскольку данные цифры входили в отчётность как один из показателей эффективности ведения боевых действий, старшие командиры начинали психологически накачивать подчинённых на тему «ненависти и мести» - хорошо зная, что искомым трупов в таком случае будет побольше, и они будут невоенные.

«Ключом к пониманию психологического настроения солдат во время событий в Ми Лай, как и на протяжении всей войны США во Вьетнаме, могла стать статистика потерь врага (а не своих). Именно она стала «зеркалом зла», причиняемого войной. Подсчёт потерь врага — обычная на войне процедура. Но если победы оцениваются только на основании такой статистики, то она превращается в «навязчивую идею и умышленную фальсификацию». Победы становились Пирровыми победами. Основной задачей американских солдат во Вьетнаме было убивать вьетнамцев (иначе зачем пришли они на чужую землю с бомбами и напалмом), а единственным критерием оценки личного вклада в успех всего подразделения становилось число убитых.

Поэтому фальсификация статистики превращалась в единственный способ сохранения иллюзии состоявшегося настоящего боя. Убийство представлялось для человека с деформированным умом единственным средством преодоления собственного страха. В Ми Лай убийства вьетнамцев «помогали» американским солдатам избавиться от чувства вины в смерти их же товарищей. Из «мишеней» они превратились во всемогущих сеятелей смерти, которые выполняли свою воинскую миссию. Только убийство стало для них подлинным мерилom власти, исполнения долга, поставленной задачи, умения быть настоящим солдатом. Поэтому даже не всегда убивая, в американской армии, как и в других армиях мира, которые не имеют возможности проверить свои силы в убийстве живой силы и мирного населения противника, создавалась «статистика убийств».

Есть основания предполагать, что деревня Ми Лай в определенной степени стала жертвой «статистических амбиций» командования Группы американских войск во Вьетнаме. Такая «статистика» способствовала служебному продвижению отдельных офицеров. *Например, полковник Хендерсон, который давно и безуспешно мечтал стать генералом, «преуспевал в «статистике убийств и практике приписок».* То же самое делал командир оперативного соединения полковник Фрэнк Баркер, отличавшийся особой агрессивностью и тщеславием. В его соединении были особо высокие показатели убитых, а его солдаты отличались способностью «отправить на тот свет» любого вьетnamца. Даже того, которого не видели в глаза. Безудержное стремление к высоким цифровым показателям в «статистике смертей врага» передавалось вниз по цепочке: от генералов до лейтенантов. От этой взаимосвязи страдали все, все стали жертвами деформации, психоза, порока.

Между количеством убитых вьетнамцев и количеством захваченного боевого оружия (которое умалчивалось) существовало настораживающее несоответствие. При критическом осмыслении становилось очевидным, что убиты гражданские лица (или иначе: «военные», у которых не было оружия). Зачем их было убивать? Этот вопрос стараются не задавать. Ведь убить военнопленного — тоже преступление.

Конечно, принципы и критерии подсчета в различных воинских подразделениях США во Вьетнаме были разными. И этой «двойной статистикой» пользовались с двух сторон. Иногда одного убитого считали несколько раз на основании того, что убийство ставили себе в заслугу одновременно несколько человек. В некоторых частях американской армии считали убитых гражданских, животных или вовсе несуществующие души — в зависимости от необходимости или амбиций считающих. Но так или иначе во Вьетнаме погибли более полутора миллионов вьетнамцев. Это и есть преступление военщины США. И здесь нет приписок.

Первоначально сообщалось, что в Ми Лай было убито триста — триста пятьдесят вьетнамцев (это совпадало с ранними подсчетами Медины). Но потом никто не мог понять, почему эта цифра уменьшилась до 128. Сокрытие отдельными штабными офицерами подлинных результатов военной операции? Или уловка кампании по дезинформации? По моим данным, убитых было около 500.

В конечном итоге роте «Чарли» приписали только 14 из 128 убитых, а смерть остальных более 400 — для придания инциденту видимости настоящего боя — отнесли за счет «артиллерийского обстрела». В официальном отчете упоминалось о «контакте с

противником», подчеркивалось, что «наступление прошло четко».

В справке оперативной группы Баркера (в которую входила рота «Чарли»), проводившей военные операции в районе Ми Лай, фигурировала цифра 128 убитых вьетнамцев. Никто не мог дать точного ответа. Откуда взялась, эта цифра? В своих показаниях лейтенант Колли вспоминал разговор с капитаном Мединой.

Колли: Он спросил, сколько вьетнамцев мы убили в тот день? Я ответил, что не знаю, и сказал, чтобы он пошел и посчитал сам...

Даниэл (прокурор): Вы хотите сказать, что могли назвать любую цифру?

Колли: Да, сэр.

Даниэл: Капитан Медина мог указать в отчете любую цифру, которая ему пришла бы в голову?

Колли: Любую цифру в разумных пределах. Думаю, что он сообщил самую высокую цифру...

Даниэл: А он проводил проверку, были ли настоящие подсчеты?

Колли: И да, и нет. Я точно не помню, как он это делал. Я только помню, что на моем счету было 50 убитых...

Даниэл: Вы сказали капитану Медине о том, что расстреляли людей в овраге?

Колли: Да, сэр.

Даниэл: В какой форме вы это сделали?

Колли: Он спросил меня, сколько гражданских было среди убитых.

Даниэл: И что вы ему ответили?

Колли: Я ответил, что это он должен решить сам. Иными словами, Колли и Медина сообща прикидывали «реальную» цифру, которую можно было вывести из оценки развития событий «статистики убийств» и которая укладывалась, подтверждала бы «логику событий». Так, Медина сообщил, что убил «от 30 до 40 человек», а Колли импонировала цифра 50. Потом Медина вывел для всех подразделений цифру 310, но в процессе «переосмысления» и с учетом обстановки ее пришлось снизить до 128 и т.д.

Однако жители общины Шонми и деревни Милай насчитали около 500 погибших. И это — статистика злодеяний военщины. За каждой цифрой — преступление, оборванная жизнь... Подсчитывая число убитых, о живом человеке забывают. Его якобы и не было...».

(М.М.Ильинский, op.cit.).

И действительно, преуспевший в приписках Хендерсон, судя по всему, в описываемых событиях выступил таким же пусковым механизмом, как и Медина:

«Расследования событий в Милай показали, что за день до произнесения этой речи Медину инструктировал командир части полковник Хендерсон. Он, недавно принявший командование бригадой, якобы говорил, что намерен «навсегда избавиться от дислоцировавшегося поблизости подразделения вьетконгонских войск», и призывал роты «вести более решительную» борьбу против них. На инструктаже выступал командующий оперативной группой полковник Баркер. Он якобы призывал «сжигать жилища вьетнамцев, затопить все тоннели, траншеи, землянки, уничтожать скот и птицу».

Состояние «накачки» после психологической установки начальства влияло на все последующее поведение подчиненного человека. Можно сказать, что любое поведение

вообще — это часто ответная реакция на чье-то брошенное слово. И поведение менялось под воздействием опыта прошлого и событий настоящего.

В восемь часов утра, после артподготовки, готовые к бою американские солдаты высадились вертолетов в общине Шон Ми [другой вариант названия — общеизвестное «Сонгми». **В.К.**], в деревне Ми Лай. Сначала убийства носили случайный характер потому они приняли размах массовой резни. Вьетнамцев словно, сгонял и в «стада» и расстреливали. Перед расстрелом мужчин (особенно молодых) жестоко избивали. Женщин публично насиловали; дома поджигали, скот убивали. Убийства стали прямым следствием предварительного психологического настроя; лейтенант Уильям Колли требовал не оставлять свидетелей. Солдаты зарывали жертвы в прибрежные пески...

Почти все убийства были совершены к одиннадцати часам, когда рота устроила перерыв на «обед». Было убито уже четыреста или пятьсот жителей деревни. Позднее стало известно, что в то утро в соседней деревне общины Шонми, где орудовала другая рота из оперативной группы американской армии, было убито еще около ста вьетнамских жителей.

Во время разгула убийств американцы вели себя так, будто шел бой. Сами участники побоища в Милай обратили внимание на то, что во время стрельбы они припадали на колени, приседали, «как будто попали под ответный огонь». Они так объясняли свое состояние: «Если ты действительно думаешь, что стреляешь в группу беззащитных людей, то зачем пригибаться к земле, зачем ползать? Для чего все эти ужимки и уловки? Значит, ты думаешь, что на самом деле с кем-то воюешь. Тебе кажется, что ты можешь быть тоже убит... что они представляют для тебя реальную опасность...» А что было здесь в Шон Ми? Представления людей о жизни и смерти перевернулись. «Что-то в самом восприятии изменилось... Как было воспринимать мирных вьетнамцев? Мирные люди стали не безоружными, они так похожи на врагов, на военных или на тот образ врагов, который сложился в больном воображении». А еще был приказ. Кошмар смерти.

Некоторые психологи пытались объяснить, что у американских солдат, совершивших злодеяния в Ми Лай (и других мирных деревнях), были видения, миражи. Им якобы казалось, что перед ними вставали солдаты, а не старики, женщины и дети... Они, мол, «обнаружили врага», выкурили из убежищ, заставили «выйти из засады и сражаться». И значит: расстреливали солдат, а не мирных жителей.

Более того, в роте «С» были в основном новобранцы — не обстрелянные, не знавшие даже мелких перестрелок, и опасные встречи с минами и «ловушками для болванов» стали для них кошмаром, адом, катастрофой. И они стали спускать курок, не думая, кто стоит перед ними. Залп! Они хотели принять и приняли боевое крещение в Ми Лай, а когда поняли, с кем имели дело, не подавали вида. Теперь они с упоением фанатиков и палачей вели убийственную и ужаснейшую расправу. Так американские психологи искали оправдание бойне в Шон Ми. Фашисты тоже оправдывали свои действия...

Описания эмоционального состояния американских солдат в Ми Лай, услышанные на допросах, были самыми разными. По воспоминаниям одних, когда солдаты стреляли в мирных жителей Шон Ми, лица убийц не выражали никаких «эмоций». Царила какая-то

«деловитая озабоченность». Время от времени «они, солдаты, прерывали свое занятие, чтобы перекусить или покурить».

Другие утверждали, что во время убийств, насилия и разрушений американцы «зверели», становились «невменяемыми». Один солдат устроил «бешеную погоню» за свиньей, которую в конце концов заколол штыком; другие развлекались, бросая фанаты и стреляя в хрупких *когай* — юных жительниц деревни.

Оба описания психологически достоверны. «Деловитый вид» солдат объяснялся тем, что они пребывали в состоянии «эмоционального оупения». Они автоматически выполняли приказы и считали, что занимаются своим «профессиональным» делом. Безумными делало американцев зрелище бойни, кровь. Происходившее прорывало броню эмоциональной тупости, ломало чувства, все представления о выполнении «миссии выжившего». Все смешалось: страх перед смертью и комплекс вины в смерти других солдат. Перед всеми стоял вопрос: «Кто следующий в очереди смертников?»

Убивая вьетнамцев, американские солдаты кричали: «Эй, вы, ублюдки! Это вам за Билла Вебера!», или «Плачьте, плачьте так, как плакали мы!» Вид массового убийства, этот кровавый «пир» сводил с ума, толкал на новые преступления. Это состояние знали многие убийцы, уголовники, считали следователи и американские журналисты.

Были ли проблески здравомыслия? Было разное. Только не здравомыслие. Ибо не было вообще ничего здорового. Вот записи одного из солдат: «...Проведя разведку, мы поняли, что подошли к обыкновенной деревне... Жители продолжали заниматься своими обычными делами, не обращали на нас никакого внимания... В деревню зашли 15-20 наших солдат. Потом, совсем неожиданно... жители забеспокоились... Вскоре кто-то из сержантов уже отдавал приказ «схватить тех двух и привести их сюда». Затем к ним добавили вон того третьего... Вот мы собрали целую толпу. А они в испуге кричали, визжали, брыкались и не могли понять, что происходит... Потом грянул выстрел.

За ним — другой, и кто-то закричал: «Так тебе и надо, грязный ублюдок!» Солдат пришел в такое возбуждение, что сам несколько раз выстрелил в толпу... Увидел, как упали несколько человек... Его охватил ужас. Но, чтобы как-то оправдать себя и свои действия, он выстрелил снова, еще и еще... Далее уже был психический шок.

Другой солдат вспоминал, что во время бойни он пытался решить, убивать ему или нет маленького испуганного мальчика, которому уже отстрелили одну руку. Он подумал, что мальчик, должно быть, ровесник его сестре, и спрашивал себя: «А что, если бы в нашей стране оказалась иностранная армия и какой-нибудь солдат смотрел на мою сестру, как я смотрю сейчас на этого малыша? Мог бы тот солдат убить мою сестру?» И он решил: «Если у него хватило смелости сделать это, то хватит ее и у меня», и нажал на курок.

Вид крови, массовых убийств, психоз так овладели воображением, что превратились в «программу» действий, которая оправдывала все — чудовищность происходящего, варварство. Критерии выродились.

Один из участников бойни в Ми Лай сравнивал убийство с «избавлением от зуда, который способен свести тебя с ума». Он пояснил свою мысль: «Ты чувствуешь необходимость разрядиться. Как в Корее или как во время Второй мировой войны. В Ми Лай солдаты могли косить из пулеметов людей, как траву. Это сводило с ума. Убить

человека — это очень трудно нормальному гражданину. Выдержит ли психика?»

Лейтенант Поль Медлоу через восемь месяцев после событий в Милай сказал в телеинтервью, что после акции в Шон Ми «он чувствовал моральное удовлетворение». Он так представлял свое психологическое состояние: «Я потерял многих товарищей. Потерял закадычного друга Бобби Уилсона. Их смерти были на моей совести. И сразу после того что совершил в Милай, я испытал моральное облегчение, покаяние, отпустил себе сам прощение».

В том же интервью Медлоу сказал, что «убийство в Милай было самым естественным делом». *Это означало, что убийства были нормой поведения в той обстановке.* Они были психологически необходимы, объяснимы и оправданны. Это была не кровавая бойня, а выполнение «миссии выжившего». Механизм массового уничтожения людей нужно было лишь привести в действие, а дальше он работал как автомат. По инерции. И каждое новое убийство было продолжением предыдущего. Герника и Шонми — из одного ряда преступлений, хотя и в разные эпохи. Это — инерция дегенерации.

Стремление карателей довести бойню до конца было вызвано не только «потребностью крови, психологической завершенности», но и неосознанным страхом, боязнью того, что оставшиеся в живых расскажут о бойне. (Так и случилось: оставшиеся в живых вьетнамцы, а также принимавшие участие в операции американцы не могли молчать.)

...Я был в Ми Лай (Шон Ми). Разговаривал с оставшимися в живых, стоял у братских могил на берегу Южно-Китайского моря, многое понял. Но вернемся к тому, что говорили американцы о Шон Ми.

Во время процесса над лейтенантом Колли свидетель — обвиняемый Медлоу преднамеренно называл жителей деревни Ми Лай «обезьянками», «вьетнамшками». На вопрос, почему он расстреливал сидевших на земле женщин и детей, он ответил: «Каждую минуту я боялся, что они дадут нам отпор (перейдут в контратаку)... Может быть, им осталось только зажечь запал взрывающего устройства, и все мы взлетим на воздух...»

И что дальше? *Оказывается, кровавый пир в Ми Лай положительно сказался на... боеспособности подразделения.* Однако эта «боеспособная» рота просуществовала недолго: вскоре после Ми Лай, уже в марте 1969 года, ее разгромили вьетнамцы. Остатки роты были расформированы... И все-таки, можно ли оправдывать преступления? Ни в Шон Ми, нигде в другом районе Вьетнама, нигде в мире оправдать нельзя. Ми Лай — это война, говорят одни. Ми Лай — это «выпечка продукта по неправильному рецепту и не из тех компонентов».

Даже на суде оправдания бойне звучали все так же: «Жители деревни были всего-навсего какими-то вьетнамками, — нелюди». А убийства детей? Следовал такой довод: «Они вырастут и будут помогать взрослым бороться против нас». *В отличие от представителей военной администрации участники событий в Ми Лай никоим образом не стремились скрыть подробности совершенных злодеяний в этой деревне.* Напротив. Их как будто радовал поворот событий: «Теперь, вместо того, чтобы переживать, вспоминая ужасные зрелища гибели своих товарищей на минных полях, они могли

поговорить о Ми Лай». Они хвастали друг перед другом своими «подвигами», как бойцы, вспоминая минувшие дни: «Сколько ты «уложил»?.. Да, было дело. С десяток... А сколько ухлопал ты?.. Надо посчитать... Один солдат очень обрадовался результатам... Он убил больше ста человек... Возможно, многие преувеличивали...» Но это был особый садизм.

На следующий день после дачи показаний Медлоу напоролся на мину и ему оторвало правую ногу. По словам очевидцев, Медлоу простонал: «Это Бог меня покарал». И со злостью процедил в адрес лейтенанта Колли: «Бог покарает и его. За то, что заставил меня совершить...»

Вспоминая посещение «роты Чарли» через 18 месяцев после событий в Ми Лай, журналист Гершен отмечал, что солдаты выглядели «испуганными». На одного из них «по-прежнему наступали из темноты вьетнамцы», другой «испытывал острое чувство вины», еще двое «страдали нервными расстройствами», и по меньшей мере четверо не могли найти работы или удержаться на ней из-за потери способности концентрации внимания. *Один только солдат не стрелял, не убивал жителей Ми Лай. Его же буквально раздирало «чувство вины»...*

Теперь о другом. Состояние «активного или пассивного свидетеля» было нормальным для американцев во время событий в Ми Лай и на протяжении всей войны во Вьетнаме. *Чтобы не принимать участия в массовых убийствах, человек должен был быть в чем-то непохожим на других.* Это в тех условиях означало быть или диссидентом, или почти «ненормальным».

Во время бойни в Ми Лай один из солдат, который не принимал в ней участия, бормотал: «Этого нельзя делать, это несправедливо». Однако тот солдат уже априори не был солдатом или был «не способен» воевать. И не потому, что не мог или не хотел воевать: он верил в идеалы своей страны, а потому, что давно не одобрял поступки других солдат по отношению к вьетнамцам. Он испытывал отвращение к войне вообще. Он отошел от «нормы» — и он не стрелял.

Психологи выделили три важные причины «ненормального» поведения того солдата в Шон Ми. *Во-первых, он обладал обостренным чувством справедливости — результат домашнего воспитания, — подкрепленного католическими принципами* [другой, командир разведывательного вертолёта ОН-23 Хьюз Томпсон-младший, [предпринявший реальное действие](#), чтобы прекратились расправы, при сходности характера был добрым пуританином (М.Курлански, *op.cit.*). Хотя кто знает, как он бы себя повёл, если бы наблюдал расправы не с воздуха, а в общем строю, бок о бок с охотными убийцами. **В.К.**].

Во-вторых, он был по природе человеком-одиночкой и не поддавался влиянию обстановки, не нашел места в общем строю, исключал себя из среды, «провоцирующей жестокость». *В-третьих, у него было сильно развито чувство воинской чести*, а во Вьетнаме, и особенно в Ми Лай, он стал свидетелем попрания кодекса солдатской чести.

После событий в Ми Лай большая дистанция, существовавшая между ним и остальными бойцами, не только увеличилась, а превратилась в пропасть. Он возненавидел тех, кого считал своими друзьями: «Я видел, как люди, которых я считал «хорошими парнями»... расстреливали всех на своем пути». Были и другие

психологические состояния. Некоторые солдаты роты не стреляли в жителей Шонми, но пытались скрыть это от тех, кто стрелял. Один, например, не убивал людей, а убивал скот. Он оставил такие записи: «Я не убивал людей, но никто это не знал. И поэтому никто меня не позорил».

(М.М.Ильинский, op.cit.).

«Во Вьетнаме сведения о массовых убийствах, осуществлявшихся американской дивизией в Ми Лай в марте, продолжали распространяться по всему региону. Осенью письмо Тома Гленна из 11-й бригады, сообщавшего о массовых убийствах, пришло в штаб дивизии, и нового начальника оперативного отдела, майора Колина Пауэлла, попросили написать отчёт. Не спросив ни о чём Гленна, он написал, что никаких оснований для обвинения нет – в письме были просто неподтверждённые слухи. Затем в сентябре следующего год лейтенанту Уильяму Келли было предъявлено обвинение в многочисленных убийствах, и к ноябрю эта история получила широкую известность. Тем не менее Пауэлл заявил, что впервые услышал о массовых убийствах лишь через 2 года после того, как они произошли, а до этого ничего о них не знал. Ничего о роли Пауэлла в «прикрытии» этих преступлений – он даже не присутствовал во Вьетнаме во время убийств – не было известно общественности до тех пор, пока журнал «Ньюсуик» не сообщил эти факты в 1995 году в связи со слухами о намерении Пауэлла баллотироваться в президенты» *(М.Курлански. op.cit., с.526).*